

Валерий ГАРКАЛИН: Я дитя Курского вокзала

Вел. Москва — 2004 — 9 апр. с. 6

11 АПРЕЛЯ В ТЕАТРАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ «НА СТРАСТНОМ»
ТВОРЧЕСКИМ ВЕЧЕРОМ «ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН В КРУГУ ДРУЗЕЙ»
АКТЕР ОТМЕТИТ СВОЙ 50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

было желания выйти в город, где все упирается в три улицы, и все путешествие можно совершить за 15 минут.

— О твоём постоянном друге с Татьяной Васильевой много говорят. У вас несколько совместных спектаклей — «Ну всё, всё, всё», «Ботинки на толстой подошве», «Золото», «Бумеранг»... На чем прежде всего строятся ваши отношения?

— Мне повезло. Я вдруг понял, что у меня есть партнер, с которым можно спеть на два голоса, который понимает меня с полуслова, с полувзгляда. Это выше любых отношений. Мы уже семь или восемь лет работаем и существуем вместе. Мы держимся столько лет потому, что я несу ответственность за нее, она — за меня. Мы много ездим. Она знает, что Гаркалина надо поест (смеется). Утром, когда мы просыпаемся в поезде, она говорит мне: «Я знаю, что первая фраза будет не «Доброе утро, Таня, как ты себя чувствуешь?», а «Где завтрак?»».

— Твоя жизнь разъездная, а коренной ли ты москвич? Кто твои родители?

— Мама, которой уже нет в живых, меня любила без оглядки. С отцом были проблемы, но он тоже по-своему любил меня. Жили мы в тяжелейших условиях. Я не жалуясь. Но детство мое прошло, как выразился однажды на съемках Владимир Меньшов: «Детство мое было тяжелым. Всю зиму в кедах и чугунные игрушки». Мрачный юмор, но в нем есть доля правды. Воспитывали нас в очень жестких условиях. Мои родители из тех, кто приехал в столицу восстанавливать разрушенное хозяйство. Мой отец из-под Тамбова, мама — из Белоруссии, она из деревенских. А родился я в Москве, в рабочем общежитии, где они жили в течение пяти лет, пока не родилась моя сестра. Потом мы переехали в Сырмятники. Мой дом стоял на берегу Яузы. У нас была одна комната в коммунальной квартире, где было еще две семьи. Окна нашей комнаты выходили на Андронников монастырь. И, может быть, это обстоятельство очень важно, хотя я никогда не впадал в религиозный экстаз и воспитывался как воинствующий атеист. Но почему-то всякий раз, когда я делал уроки, глаза мои смотрели в окно, и я видел монастырь, купола... В общем, я дитя Курского вокзала.

— А актерские дарования когда стали проявляться?

— Я помню, как показывал увиденное на новогодней елке в ДК Метростроя, полностью изобразил представление во дворе. Дворовые дети собирались, и, открыв рот, смотрели на меня. Не все попадали на елки, не все могли купить билет. Мне же перепало это удовольствие. Еще каждое воскресенье в час дня был детский сеанс в ДК Метростроя, и мне и моей сестре давалось по десять копеек, и я водил ее в кино. А потом отправлял сестренку домой, а сам возвращался в ДК и оставался там под креслами на взрослые сеансы. И так я посмотрел много фильмов, которые никто из моих ровесников не видел, по-

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Сказать несколько слов о своем коллеге и друге мы попросили актрису Татьяну ВАСИЛЬЕВУ:

— С Валерой мы играем уже пятый спектакль и репетируем шестой. Мы уже столько лет рядом, что я, конечно, чувствую его настроение, состояние, самочувствие. Я его очень жалею. И очень хочу сохранить подольше.

У него потрясающее чувство юмора. Равных ему в юморе нет: и в том, что он может рассказать и что показать. Он просто выдающийся комик. Валеру очень легко обидеть, особенно если это касается работы. Его нужно хвалить. Тогда он может сделать невозможное.

Он муж, о котором, я думаю, может мечтать любая женщина. И отец такой же. Его очень любят и жена, и дочь. И, по моему, очень высоко оценивают его человеческие и актерские качества. У них с его женой Катей очень надежный и прочный альянс. Я думаю, что это подлинное чувство и подлинное уважение.

Ему всегда и везде хорошо. Он, видимо, не избалован ни праздниками, ни роскошью, ни подарками. Поэтому он все принимает как подарок судьбы. У него есть качество, которому можно позавидовать — он почти всегда в хорошем настроении.

Валера очень образованный человек, невероятно много знает. И я не стесняюсь задавать ему самые дурацкие вопросы, не стесняюсь признаться в своей некомпетентности. И он терпеливо мне все объясняет, даже не возмущается, потому что ему хочется, чтобы эти пустоты в моем сознании и образовании как-то заполнились. Я его люблю и не знаю, можно ли это слово заменить другим. Думаю, что слова выше «люблю» — просто нет. Я его люблю всего... такого, какой он есть.

Знаменитый дуэт — Татьяна Васильева и Валерий Гаркалин в спектакле «Трактирщица»

тому что им в голову не приходило, как это можно сделать. Например, «Брак по-итальянски» я посмотрел лет в десять двенадцать, как и все фильмы с Софи Лорен и Марчелло Масто-роянни. Посмотрел под креслами «Мужчину и женщину» от начала до конца. Вот то-о-гда я всем рассказывал, что посмотрел порнографический фильм. Помню, что я просто катался по полу на фильме «Этот безумный, безумный мир». Я больше так никогда не смеялся над комедией. А сейчас я смотрю и думаю: «Боже мой, что же там такого? Над чем же я так смеялся?» Восприятие смешного — это очень важно. Мне кажется — это природное чувство. Я читал, что как-то Немирович и Станиславский смотрели какую-то комедию, и Станиславский зака-

тывался от гомерического хохота, а Немирович сидел с каменным выражением лица. А после того, как спектакль закончился, Станиславский сказал: «Это совершенно не смешно и ужасно пошло», на что Немирович ответил: «А мне показалось, это просто дико смешно и невероятно талантливо» (смеется).

— Знаю, что особую роль в твоей судьбе сыграла армия...

— В армии судьба свела меня с одним из самых интересных людей, встретившихся мне в жизни. У каждого в жизни есть человек, вокруг которого все и происходит. Как правило, эти судьбоносные люди определяют твой жизненный путь. И я благодарен армии уже за это. Он очень помог мне, практически сформировал меня. Мои долгие ночные беседы с Толиком (так

его звали) глубоко засели в моей душе. Он знал массу стихов. Я много прочел благодаря ему, особенно в период дембельской жизни. В это время, когда все валялось на нарах и попивали водку, я запоем читал. Тогда я впервые прочитал Цветаеву, Ахматову. Я прочел там «Войну и мир». Я захлебывался от слез, когда читал «Униженные и оскорбленные» Достоевского. Я никогда бы так проникновенно и глубоко не проник в суть многих вещей, если бы не встреча с Толиком.

Он демобилизовался чуть раньше, чем я. Он был из Кемерово. Потом я поступаю в Гнесинское училище на факультет театра кукол (на драматического актера меня не принимали), где я проучился четыре года. За это время я несколько раз ездил в Кемерово на три дня. И мы переписывались, что тогда уже трудно было понять, потому что эпистолярный жанр уходил. А сейчас вообще трудно найти человека, который написал бы другому человеку письмо. Это кажется необыкновенным событием. Мы же писали обо всем, даже о внутренней духовной жизни. И вот я заканчиваю училище, и мы всем курсом получаем приглашение в Кемерово, в Кузбасскую филармонию. Мы уехали из Москвы черт-те знает куда. Организовали при Кемеровской филармонии театр «Люди и куклы». Там я провёл восемь лет жизни. Толик дружил с моими друзьями. Восемь лет общения подарила нам судьба. Потом, к сожалению, я должен был уехать в Москву.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что уходит какой-то этап жизни, и с ним уходит целая система твоих взглядов, ощущений. И ты должен что-то поменять: и способ жизни, и взгляды, и твое к ней отношение. Я же не просто уезжал из Кемерово, я уходил из ансамбля. А это было студийное существование: счастливое, мы дружили, а не просто работали вместе, мы были студия на колесах. А нужно было становиться одиночкой и доказывать, что ты не верблюд. И это было очень болезненно. Я года два не мог вообще работать, был безработным. Родилась дочь, и я ее воспитывал. А потом стал работать в театре, позже окончил институт, начал сниматься. Тогда уже Катя все взяла в свои руки, проявила мужество и отчаянно работала за троих.

— Твоя дочь Ника взрослая, какую профессию она выбрала?

— Сейчас Ника уже заканчивает третий курс продюсерского факультета РАТИ (бывшего ГИТИСа), и этот путь она выбрала совершенно самостоятельно.

— С годами, с опытом в тебе что-то меняется?

— Сейчас мне кажется, что я опять вхожу в какую-то новую фазу жизни, пытаюсь объединить то, что было пройдено мной, и то, что ждет меня впереди. Я веду курс драматических артистов. И пытаюсь научить их не только мастерству драматического актера, но и острому ощущению искусства вообще, то есть стараюсь сделать из них синтетических артистов.

Беседовала
Марина ЗЕЛЬЦЕР

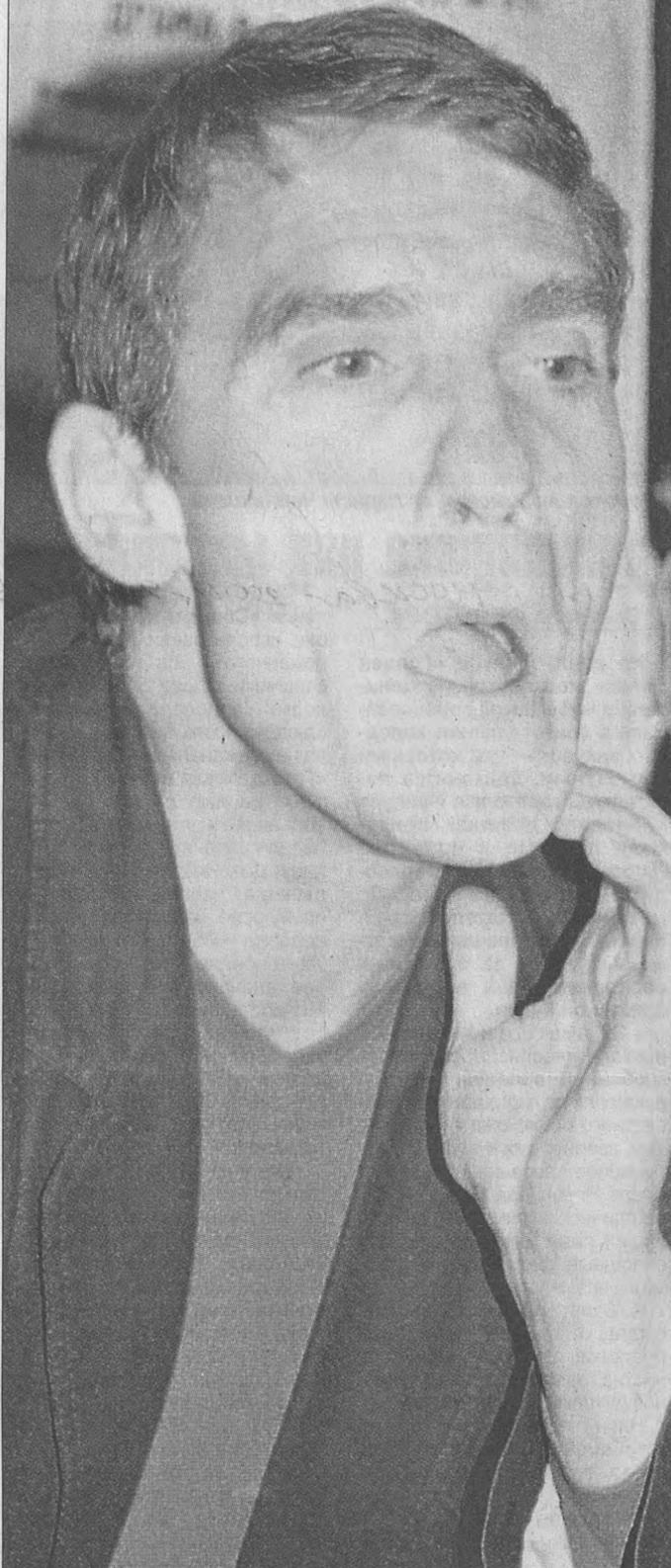

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ШВЕТКОВОЙ

Валерия Гаркалина сегодня, как говорится, «очень много» и в кино, и в театре. Но при этом мало тех, кто скажет: «Надоел». Гаркалина любят. А он не разочаровывает. Даже небольшие роли запоминаются, в них всегда есть какая-то изюминка, возможно, она в его открытой, обаятельной улыбке, в которой нет-нет и проглянет нечто мефистофельское. Без фильмов «Катала» и «Ширли-Мырли», сериалов «Белые одежды» и «Остановка по требованию» не обходится ни одна неделя на ТВ, а в это время Гаркалин уже успевает сыграть Гамлета в спектакле Дмитрия Крымова или затеять новую работу в антрепризе с Татьяной Васильевой.

— Валерий, твой первый успех в кино произошел благодаря фильму Сергея Бодрова?

— Долгие годы меня часто пробовали в кино... и не брали. В начале это было грустным моментом. Но нередко, увидев картину, я думал: «Хорошо, что меня не выбрали». После «Каталы» Сергея Бодрова все по-настоящему с огромной скоростью. Потом наступил кризис в кино. И я, как многие, ездил, мучился, договаривался в театре с режиссером, чтобы меня отпустили на съемку, просто истязал себя и морально, и физически, а потом садился в Доме кино на премьеру и думал: «Господи, из-за этого я отдал столько сил?» И в какой-то момент понял, что не стоит душевные силы тратить на то, чтобы тебя выбрали сниматься. Приходит прозрение, которое все ставит на свои места.

— С успехом в кино, вероятно, появились деньги и новое ощущение жизни?

— У меня никогда не было столько денег, чтобы мне нужно было задуматься, на что их потратить. Но я рад, что в моей семье все считали лучшим вложением денег — путешествия. Нас осуждали, говорили: «Как же

так? Можно же накопить на черный день или купить квартиру или машину». Но почему-то нам казалось, что если мы не увидим Париж и не умрем, то все равно очень многое потеряем. Иногда мы ездили куда-то просто на последние деньги, потому что понимали, что надо уехать, «немножко сбить краску», как выражается мой друг Рома Козак. Мне все время хочется посмотреть мир.

— Это жажда экзотических впечатлений? Их нет в нашей стране?

— Моя жизнь была очень насыщена поездками по стране. Я уверен, что мало найдется людей, которые поездили столько, сколько ездил я. Когда-то знаменитый театр «Люди и куклы», в котором я начинал и много лет работал со своей женой, разъезжал по городам и весям. В некоторых городах был по пять-шесть раз, а позже, когда началась антрепризная жизнь моих спектаклей, я опять стал эти маршруты повторять. Нравится ли мне ездить по стране? Самолеты, поезда, автобусы, гостиницы — в это влюбиться нельзя. Хотя в провинции зритель более наивный, более открытый. Но у меня никогда не